

КИТАЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И США (вторая половина XIX — начало XX в.)

Елена Ивановна НЕСТЕРОВА,

кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры истории и теории культуры ДВГТУ

В 80-х годах XX в. китайцев, граждан России, насчитывалось 5,2 тыс. чел. (1, 193), в то же время китайское население США составляло около 700 тыс. (2, таб. 5). Эти цифры являются отражением и результатом сложной полуторавековой истории развития международных отношений, связанных с миграционными процессами. Обратимся к истокам данного явления и начнем рассмотрение со страны, поставившей неиссякаемый поток мигрантов, — Китая.

В Китае отношение к эмиграции не было однозначным — с приходом к власти династии Цин периоды запрета эмиграции сменялись периодами ее разрешения. В 1712 г. император Канси издал указ, запрещавший эмигрантам возвращаться на родину под страхом смертной казни, 5 лет спустя разрешение получили лишь те, кто выехал до воцарения императора, т. е. до 1662 г. В 1728 г. император Юнчжэн специальным эдиктом запретил покинувшим страну без торговых лицензий возвращаться на родину (3, 17).

В 1859 г. губернатор провинции Гуандун Певей под давлением Великобритании и Франции впервые позволил их официальным представителям набирать работников для своих колоний из местных жителей. В 1860 г. это было закреплено в англо-китайском договоре. За ним последовал ряд договоров, предусматривавших право свободного выезда китайцев, несмотря на то, что формально указ Юнчжэна оставался в силе до сентября 1893 г.

19 февраля 1862 г. конгресс США запретил американцам заниматься как вербовкой, так и транспортировкой китайских эмигрантов в силу того, что организация этого дела очень напоминала осужденную ранее торговлю неграмми. В 1866 г. аналогичное решение приняла Россия (4, 352).

В Китае после снятия запрета на выезд стали создаваться конторы, обеспечивавшие китайским иммигрантам возможность добраться до США, Канады, Австралии, России. По сообщению «Revue Scientifique» возникли крупные компании, поделившие всю территорию страны на округа, занимавшиеся организацией эмиграции. Эти частные компании обеспечивали доставку китайца на «новую родину», знакомили потенциального эмигранта с условиями жизни в новой стране, а также гарантировали его возвращение (живого или мертвого) обратно. В обмен китаец выплачивал компании по 2,5 % со всех своих доходов, полученных на чужбине (5, 120).

Основные причины иммиграции китайцев лежали в экономической сфере. С 1873 по 1933 гг. посевная площадь в Китае (без Северо-Востока) увеличилась на 1 %. В то же время сельское население увеличилось более чем на

30 % (3, 20). Земельный голод, отсутствие промышленности, способной принять излишек населения, вынуждали людей покинуть родину. Трудолюбивые, неприхотливые китайские рабочие, к тому же слабо поддающиеся ассимиляции, вскоре стали рассматриваться во многих странах как нежелательные гости. Этот процесс затронул США, являвшиеся образцом либеральной колонизации, которая характеризовалась невмешательством государства в колонизационный процесс, развитием местного самоуправления, обеспечением свобод личности, и имперскую Россию, где «вся сила общества сосредоточена в руках одного человека» (6, 296).

В исторической науке не сложилось единого мнения о времени, когда китайцы впервые появились в Новом Свете: разные исследователи относят это событие и к XVI, и к XVII, и к XVIII вв. (2, 6). Однако начало массовой китайской эмиграции в США, безусловно, приходится на середину XIX в. и связано с интенсивным развитием Западного побережья США. Среди эмигрантов можно выделить две основные группы: наиболее многочисленная — бывшие крестьяне, отправлявшиеся на заработки в качестве чернорабочих; чиновники, студенты, интересовавшиеся достижениями западной цивилизации. Те, кто ехал в США, как правило, были выходцами из двух провинций — Гуандун и Фуцзянь (2, 10).

С 1848 по 1855 г. в Калифорнии бушевала золотая лихорадка, привлекавшая в США авантюристов со всего света. Среди тех, кто хотел найти золото и быстро разбогатеть, было немало и китайцев. В 1870 г. в Калифорнии 57,3 % всех рудокопов составляли китайцы (2, 11). Крайняя неприхотливость этих золотоискателей приводила к тому, что основная часть добытого золота уходила в Китай. По свидетельству отечественного исследователя В.И. Бирюкова, в США до сих пор распространено мнение, что финансовый вклад китайцев в калифорнийскую экономику ничтожен, так как они тратили золото только на закупку свежего мяса, муки и некоторых продуктов. Данное обстоятельство позднее стало одним из основных аргументов сторонников антикитайских законов. Именно к этому периоду относится принятие первых дискриминационных мер экономического характера в графствах Марипоза и Колумбия, запрещавших китайцам заниматься разработкой полезных ископаемых. В 1850 г., с принятием закона «О налоге с иностранных рудокопов», вводятся ограничения на уровне штата Калифорния. Согласно этому закону с «иностранных рудокопов» взималось по 3 дол. в месяц. Несмотря на то, что закон создавался в расчете на мексиканцев, реально его использовали в основном против китайцев. Подобные законы издавались в 1853 и в 1855 гг.

К началу 70-х годов XIX в. китайское мужское население Калифорнии достигло 58,6 тыс. чел. и составило 14 % всей рабочей силы. Благодаря китайцам в сельском хозяйстве Калифорнии появились новые отрасли — садоводство и овощеводство. В 1880 г. около 70 % сезонных сельскохозяйственных рабочих в Калифорнии составляли китайцы. По мнению В. А. Скрозниковой, выделившей несколько этапов в политике властей США в отношении китайцев, первый период (1856 — 1882) характеризовался приездом больших групп контрактных рабочих — кули, ремесленников, торговцев, селившихся в основном на Западном побережье США (7).

Параллельно шел процесс концентрации в их руках капитала — к 1866 г. половина всех сигаретных фабрик, а к 1870 г. почти все прачечные в Сан-Франциско принадлежали китайцам. В 1907 г. открылся банк «Бэнк оф Калифорния», владельцами которого были китайцы (2, 14).

Увеличение китайского иммиграционного потока потребовало решения проблемы на межправительственном уровне, результатом чего явилось подписание Китаем и США 28 июля 1868 г. Бурлингемского договора, в котором

впервые затронут вопрос об иммиграции китайцев в США. Обе стороны признали в качестве одного из неотъемлемых прав человека его право переехать в другую страну и гарантировали китайским гражданам «такие привилегии — иммунитеты в отношении въезда в США и проживания там, которые могли бы быть предоставлены гражданам государства, пользующегося режимом наибольшего благоприятствования» (8, 38). Тем не менее договор не давал китайским иммигрантам права гражданства и не отменял антикитайских законов отдельных штатов.

К этому времени в штате Виктория уже более 10 лет действовал законодательный акт, ограничивавший китайскую иммиграцию; определялась квота, согласно которой разрешалось ввозить одного китайца на 10 т тоннажа, при этом вводилась подать (10 фунт. стерл.). В штате Калифорния в 1855 г. было принято решение о взимании денежного взноса с каждого китайца (55 дол.). Параллельно с начала 60-х годов началась шовинистическая пропаганда в печати. Этими мерами ознаменован переход к политике ограничения иммиграции из Китая. В последующую четверть века был принят ряд законов, ограничивавших права китайцев. Основной критерий введения ограничений — их этническая принадлежность.

Результатом экономического кризиса 1876 г. стал поиск виновных в резком ухудшении условий жизни. Таким объектом для нападок стали китайцы, работавшие в США. Лозунг созданной в Сан-Франциско Д. Кирнеем Рабочей партии — «Вон китайцев!» получил реальное воплощение. Летом 1876 г. в Сан-Франциско увеличилось число нападений на китайцев, весной 1877 г. стали фиксироваться случаи поджога китайских жилищ, бойкота заведений, использовавших труд китайцев, а 24 июля 1877 г. начался китайский погром, в котором участвовали несколько сот белых. Аналогично развивалась ситуация и в сельскохозяйственных районах. В Грассе Вэллей, Колузе и Лева-Бэдсе, Чико были сожжены все жилища китайцев, в последнем 5 китайских фермеров-арендаторов были убиты. Поступали многочисленные угрозы расправы над белыми фермерами, использовавшими труд китайцев. Рабочая партия добилась избрания своих представителей в органы самоуправления Калифорнии, а движение за вытеснение китайцев из штата получило новый размах и вышло за пределы Калифорнии. Кандидаты от демократической и республиканской партий на пост президента в предвыборной кампании 1876 г. включили в свои платформы антикитайские требования.

В 1876—1877 гг. конгресс организовал слушания по китайской проблеме в Калифорнии. Большинство докладчиков высказали мысли о невозможности ассимиляции китайцев, об опасности для белых в Калифорнии оказаться в меньшинстве по сравнению с китайцами, о необходимости пересмотра Бурлингемского договора.

Параллельно продолжалось наступление на права китайцев. В Калифорнии ввели ежемесячный подушный налог, китайцев лишили права выступать свидетелями в процессе, участниками которого являлись белые. В 1878 г. в Калифорнии был принят закон, согласно которому наём китайца на работу становился уголовным преступлением (9, 114).

В 1860—1893 гг. вышел ряд законов и были введены специальные налоги, практически вытеснившие китайцев из сферы морских промыслов. В 1880 г. в Калифорнии появился закон о лишении китайцев прав на получение лицензий от властей штата на любой вид предпринимательской деятельности. В 1882 г. в этом же штате было разрешено проводить массовые антикитайские демонстрации. В 1885 г. китайским детям запретили посещать общественные школы. Этот закон был подтвержден в 1906 г., когда сан-францисский комитет по образованию принял решение о недопуске к занятиям в школах де-

тей — выходцев из Азии. Согласно статье 10, части 1662 Школьного закона Калифорнии предписывалось «с 15 октября 1906 г. направлять всех китайских, японских, корейских детей в публичную школу для азиатов, находящуюся на южной стороне улицы Клэй, между улицами Поуэл и Мэйсон» (10, 111). В этот же период решением суда Калифорнии «монголы» (как официально называли выходцев из Азии) приравнивались к категории индейцев и лишались прав свидетельских показаний против белых.

Особенностью этого периода является то, что большинство ограничений прав китайцев принималось на уровне законодательства штатов. Однако были попытки ограничить китайскую иммиграцию на уровне межправительственных соглашений. Пекинский (1880) договор, кардинально пересмотревший Бурлингемский договор, позволил правительству США ограничивать или приостанавливать иммиграцию китайцев.

Договор с Китаем 17 ноября 1880 г., послуживший основой федерального закона, был принят 6 мая 1882 г., а затем неоднократно пролонгировался, — Chinese Exclusion Law, согласно которому иммиграция из Китая была приостановлена на 10 лет, а китайцы, уже находившиеся в США, лишены права на натурализацию. Американский президент Г. Кливленд в одной из речей заявил: «Китайцы — элемент невежественный в отношении нашей конституции и законов, не подлежащий ассимиляции с нашим народом и опасный для нашего мира и благосостояния» (11, 110).

Именно этот подход определил характер тех решений, которыми ознаменовалось начало 2-го периода (1882 — 1905 гг.). Продолжалось совершенствование законодательства штатов; так, в 1890 г. (1891 — Бирюков) штат Калифорния запретил китайцам-рабочим въезд в штат и пребывание в нем. В 1888 г. вошел в действие «закон Скотта», запрещавший возврат в США выехавших за границу китайцев. В 1892 г. «закон Гири», продлил действие закона 1882 г. и ввел обязательную регистрацию для китайцев, лица, не прошедшие ее, высылались из страны. Всего за этот период было принято около 13 дискриминационных законов в отношении китайцев, в том числе о сегрегации (1890), о запрещении смешанных браков (1888 г. — штат Юта, 1901 г. — штат Калифорния). Информация о дискриминации китайцев в США появлялась в китайской прессе, в 1899 г. газета «Сы-мень-ху-бао» поместила статью, передававшую мнение китайцев об американской политике (12); заявлял ноты протеста и китайский МИД, но безуспешно. В ответ на протесты китайского посла С. Филд, верховный судья США, возразил, что хотя «закон Гири» и противоречил китайско-американским договорам от 1868 и 1880 гг., и «не соответствовал духу конституции США, он все же должен остаться в силе из-за общественных интересов и потребностей» (2, 27).

В результате принятых США мер число китайских эмигрантов в США стало снижаться; если в 1880 г. их насчитывалось около 105 тыс., то в 1900 г. — 90 тыс. (7, 228).

5 февраля 1917 г. в США появился закон об иммиграции, согласно которому жители обширного района, так называемого азиатско-тихоокеанского треугольника — 60' восточной долготы, 165' западной долготы, 26' южной широты — были лишены за незначительным исключением права на иммиграционный въезд в США и натурализацию (2, 39).

Параллельно с принятием законодательных актов, регламентировавших условия и возможность нахождения китайцев в США, шёл процесс создания иммиграционной службы. До 1882 г. в США не существовало федерального органа, ответственного за проведение в жизнь иммиграционного законодательства, с 1882 г. контроль за иммигрантами был возложен на министерство финансов, с 1891 г. появилась должность суперинтенданта по иммиграции, а в

1895 г. эту должность переименовали в генерального комиссара иммиграции, в том же году ввели должность иммиграционного инспектора. С 1906 г. делами иммигрантов занималось бюро иммиграции и натурализации (2, 70).

Итак, для США, как и для большинства стран, принимавших китайских эмигрантов, проблема «желтой опасности» лежала в плоскости экономической конкуренции. Поэтому предпринимались как меры, препятствовавшие въезду в страну, так и санкции, имевшие характер экономической дискриминации. Однако правительства западных штатов пошли гораздо дальше, нарушив основные права и свободы личности. Модель взаимодействия государственной власти США с китайскими иммигрантами связана с достаточно жесткой стратегией ограничения числа китайских мигрантов, с применением как политических, так и экономических мер, нередко носивших расистский характер, направленных на вытеснение этой группы населения за пределы государства.

На Дальнем Востоке русская администрация столкнулась как с маятниковым миграционным потоком, так и с китайцами, жившими в крае до подписания Айгуньского и Пекинского договоров, чье самосознание было близко к самосознанию колонистов, а не временных мигрантов. В рамках данной статьи мы будем рассматривать только первую категорию.

Если добраться до США, Канады, Австралии возможно было только морем, что значительно облегчало процесс контроля за иммиграционным потоком, то на русский Дальний Восток китайцы попадали как морем (через Чжили), так и по суше (через Маньчжурию). Маньчжурия, открытая для китайского заселения лишь в 1878 г., и ряд внутренних провинций, в первую очередь Шаньдун, стали основными поставщиками иммигрантов для русского Дальнего Востока.

Как и в США, китайский труд нашел широкое применение в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства, торговле. Согласно отчетам Приморского военного губернатора, китайское население в области в конце XIX — начале XX в. в разные годы составляло от 5 до 14 %. В 1910 г. китайцев в Приморской и Амурской областях насчитывалось 94124 чел. (13, 39). «Китайцев в крае массы», — писали авторы «Приамурья». — «Китайцы строят церкви, продают в своих лавках иконы, обслуживают работу железной дороги, военного, морского ведомства» (14, 160). Показательна динамика роста численности китайских рабочих, занятых в золотодобывающей промышленности. Если в 1906 г. они составляли 20 %, то 4 года спустя — 82, 7 % (15, р. 325). Значительный приток и экономическая активность китайцев вынудили Россию принять меры по защите своих политических и экономических интересов в регионе.

Особенностью политики русского правительства в этом вопросе явилось то, что достаточно длительный период шаги, так или иначе ограничивавшие интересы китайцев, предпринимались в рамках более широкого контекста — русского экономического протекционизма, при этом китайцы не выделялись в особую категорию иностранцев.

Первые меры по ограничению иностранного присутствия на Дальнем Востоке центральное русское правительство приняло в 1882 г., когда указом от 26 января все установленные правилами 26 марта 1861 г. льготы были продлены лишь для русских подданных. Этот указ можно считать тем рубежом, с которого начинается политический протекционизм в отношении подданных Российской империи. Однако, как уже отмечалось, в тексте указа не выделено азиатское население в самостоятельный субъект, его действие в равной степени распространялось и на китайцев, и на американцев, и на немцев. Принцип ограничения прав всех иностранцев был положен в основу ряда законов, таких, как мнения Государственного Совета от 18 июля 1892 г. Иностранцам запрещалось приобретать земли в Амурской и Приморской областях; так называемые правила также запрещали иностранцам рыбный промы-

сел в водах Дальнего Востока (за исключением юга Сахалина) (1899). В эти документы входили решение Думы (1908) о сооружении Амурской железной дороги исключительно трудом русских, распоряжение о выдаче в заливе Петра Великого лодочных билетов лишь русским подданным (1910); закон «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» (1910 г.) и закон о развитии судоходства в водах Дальнего Востока (1911), запретивший иностранный каботаж на русском Дальнем Востоке. Разумеется, большинство этих актов были направлены на сокращение китайского присутствия на русском Дальнем Востоке, но эти ограничения не сформулированы прямо, всегда оставалась возможность принятия русского подданства.

Несмотря на формирование негативного отношения к присутствию значительной массы китайцев в приграничном крае, российское законодательство разрешало их переход в русское подданство, а закон от 17 мая 1888 г., предоставлял право приамурскому генерал-губернатору сроком на 10 лет принимать китайцев и корейцев в русское подданство в пределах полномочий министра внутренних дел, что значительно сокращало канцелярскую волокиту (16, л. 1). Местная администрация в деле приема китайцев в подданство проявляла крайнюю осторожность. Нередки такие резолюции русских чиновников: «Жариков (крещеный китаец. — **Е.Н.**) поведения одобрительного, ни в чем предосудительном замечен не был и под следствием и судом не состоял и не состоит... имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я принципиально не согласен на прием в русское подданство китайцев» (17, л. 2 об.). Тем не менее, формальная возможность стать россиянином существовала всегда и никак не была законодательно ограничена. В 1898 г. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков писал министру внутренних дел: «Ходатайствам сих иностранцев (китайцев) давалось соответствующее направление лишь при условии принятия ими православной веры, вступлении в законный брак с русскими и вообще при полном убеждении в их способности воспринять начала русской гражданственности и слиться с русским населением края» (16, л. 6).

Пожалуй, единственным документом, в котором экономическая дискриминация по расовому признаку была возведена в ранг закона, явились «Правила о порядке образования и эксплуатации казенных оброчных статей в Приамурском генерал-губернаторстве», которые запрещали арендатору на снятом участке пользоваться для сельскохозяйственных работ трудом иностранцев, «а также состоящих в русском подданстве лиц желтой расы» (1911 г.).

Другим экономическим способом ограничения китайской миграции стала практика взимания платы при выдаче русских билетов. Необходимость контроля и учета численности китайских мигрантов привела к созданию в 1884 г. временных правил о порядке выдачи китайским подданным русских билетов, введенных в действие в 1885 г. в Приморской и в 1886 г. в Амурской областях. В соответствии с этими правилами, китайцы, прибывавшие в Россию, в течение месяца обязывались выбирать билеты. С 1899 г. действие правил распространилось на Забайкальскую область. Очередной шаг, связанный с улучшением охраны приграничных районов, коснувшийся китайцев в Приамурье, был сделан 22 ноября 1886 г., когда император, по представлению барона Корфа подписал постановление Комитета министров о запрещении «корейцам и другим из китайских и корейских пределов выходцев селиться в пограничных с Китаем и Кореей местностях» (18, л. 165). В августе 1908 г императором утверждены правила для прибывавших в Приамурский край китайских и корейских подданных, декларировавшие уменьшение дальнейшего «наплыва этих инородцев» в русские пределы. Переход границы был разрешен в специально обозначенных местах. На территорию Российской империи не допускались

больные хроническими и заразными заболеваниями, увечные, престарелые, малолетние, не способные к труду. Проживание становилось возможным лишь при условии получения русского билета. Губернатору предоставлялось право административной высылки «вредных» китайцев и корейцев. Местным жителям, казенным и общественным учреждениям запрещалось пользоваться услугами, пускать на жительство китайцев, имевших просроченный билет, либо не имевших такового (19, л. 10 — 12об.). Надзор за проживавшими в крае китайскими и корейскими подданными был обязанностью городской и уездной полиции. В пределах крестьянских волостей он возлагался на волостные правления и должностных лиц волостных и сельских общественных правлений, на золотых приисках — на чинов горнополицейской стражи, на территории Амурского и Уссурийского казачьих войск — на участковых начальников, в станицах и поселках — на станичных (поселковых) атаманов, на лесных промыслах — на лесную стражу.

В правилах 1908 г. чувствуется влияние зарубежного иммиграционного законодательства, в первую очередь американского и австралийского. Сотрудники МИДа интересовались мировым опытом в этом вопросе. Они регулярно собирали и анализировали информацию о том, каким образом различные страны защищаются от потока китайской иммиграции (20, л. 136). Интересовались этим вопросом и представители местной администрации. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин в апреле 1882 г. обращался к Н.К. Гирсу с просьбой выслать ему текст принятого палатой представителей конгресса США билля о запрещении переселения китайцев в течение 10 лет, мотивируя тем, что ознакомление с этими данными может принести немалую пользу и у нас, ввиду увеличения переселения китайцев в наши пределы (21, л. 87). В свое время предлагал воспользоваться зарубежным опытом чиновник 1-го департамента МИДа Л. Богословский, писавший о необходимости совершенствовать систему управления китайцами во Владивостоке. Детальную разработку программы изменений системы управления он предлагал поручить лицу, знавшему английский язык, уклад жизни дальневосточных народов, местные условия, знакомому с опытом европейцев в Азии (19, л. 83 об.). Опыт США казался полезным и другому руководителю края — Н.Л. Гондатти, консультировавшемуся в 1911 г. у американского генерального консула во Владивостоке Джона Ф. Джемелла о мерах, принимаемых США для ограничения наплыва выходцев из Азии (22, р. 80).

В 1911 — 1912 гг. в связи с Синьхайской революцией число китайцев, устремившихся в Приамурье, возросло, но здесь действовал закон, запрещавший использование «желтого» труда как в сельском хозяйстве, так и на казенных работах, поэтому многим мигрантам была уготована участь безработных или хунхузов. В связи с этим Гондатти принял ряд мер, затруднявших переход границы. В апреле 1912 г. он изменил п. 4 паспортных правил, позволявший китайцам получать русский вид на жительство в течение одного месяца, и обязал выбирать его тотчас же по прибытии в Россию.

Нехватка рабочих рук в условиях первой мировой войны привела к тому, что иммиграционные ограничения были ослаблены. В 1914 г. Совет министров предложил Министерству внутренних дел «безотлагательно озаботиться временным, до окончания войны, приостановлением действия ст. 3 отдела 2 Высочайше утвержденного 21 июня 1910 г. закона об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства, Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве», при этом к казенным работам предполагалось привлекать в первую очередь корейцев, затем китайцев и лишь в крайнем случае японцев (23, л. 5 об.).

Таким образом, в России отсутствовала четкая система ограничения китайской миграции, начало ее формирования можно отнести ко времени занятия поста Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти. Особенностью ситуации в Российской империи являлось отсутствие общеимперского иммиграционного закона, который так и не был выработан до первой мировой войны. В результате отсутствовала единая правовая база, регулировавшая ситуации на территории всего государства. Инициаторами принятия законов, регулировавших или ограничивавших число китайских иммигрантов в приграничных районах, почти всегда выступали местные власти. Абсолютное большинство мер носило характер экономических ограничений, хотя ситуация на рынке труда не позволяла отказаться от китайской рабочей силы. Российская империя в отличие от США не принимала мер по ограничению личных прав и свобод китайцев — были разрешены межрасовые браки, суды принимали к производству дела с участием китайцев, существовали русско-китайские школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
2. Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М., 1983
3. Симония Н. А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959.
4. Пескова Г. Н. Позиция России по вопросу о продаже и вывозе за границу китайских кули // Документы опровергают: против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 340 — 377.
5. Северный вестник. СПб., 1888. № 12.
6. Токвилль А. Демократия в Америке. М., 1992.
7. Скрозникова В. А. Китайцы США // Расы и народы 1990. М., 1990.
8. Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство. М., 1973.
9. Лайнгер С. Р. Из истории китайского эмиграционного движения середины XIX — начала XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
10. Савельев И.Р. Японцы за океаном. История японской эмиграции в Северную и Южную Америку. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997.
11. Лукин А. Образ Китая в России (до 1917 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 6.
12. Приамурские ведомости: Приложение «Тихоокеанская пресса». 1899. дек.
13. Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917). М., 1989
14. Приамурье: Факты, цифры и наблюдения. М., 1909.
15. Sigelbaum L. H. «Yellow Peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies. Vol. 12, part 2, April, 1978. 16. РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 158.
17. РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 283.
18. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол (148). Оп. 487. Д. 770.
19. АВПРИ. Ф. Китайский стол (143). Оп. 491, Д. 2755.
20. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол (148). Оп. 487. Д. 751.
21. АВПРИ. Ф. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе (327). Оп. 579. Д. 313.
22. J.J. Stephan. The Russian Far East. A History. Stanford, 1994.
23. АВПРИ Ф. Китайский стол (143). Оп. 491. Д. 3179.

SUMMARY. The author of the article «Chinese Immigration» Candidate of Historical Sciences Elena Nesterova analyses the problems of restriction policy in regard to Chinese immigration led by Russian Empire and the USA in the second half of the 19th — the early 20th centuries.

The Russian Empire unlike the USA did not take measures for restriction of personal rights and gave Chinese a free hand. There were allowed marriages between persons of different races, courts took for trial cases dealing with Chinese, there were opened Russian-Chinese schools.